

ЧЕШКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

«Виноватый, невиноватый – крой всех подряд!», – крикнул сапёр Водичка. «...И пошло, брат, как по маслу. Мадьяры начали прыгать в окна, мы ловили их за ноги и втаскивали назад в зал. Всем здорово влетело. Вмешались было в это дело староста с жандармом, и им изрядно досталось на орехи...» Эти строки из «Швейка» дословно подходят к инциденту, с которого началось дикое братоубийство российской Гражданской войны.

История походов бравого Чехословацкого корпуса в России достойна романа. Созданный еще в 1916 году из военнопленных, перебежчиков или эмигрантов, был он действительно бравым – в его состав входили только добровольцы и убежденные патриоты – те, кто хотел воевать с австрийцами и немцами. Кто не хотел, сидел в лагере для военнопленных. Сражались отчаянно, ведь славян, предавших Австро-Венгерскую империю, в плен не брали, расстреливали на месте по законам военного времени.

После Брестского мира на Украине бойцам корпуса некуда было деваться – родина далеко и по-прежнему входит в состав ненавистной империи. Так 40 тысяч чехов и словаков были предоставлены сами себе. Одни в чужой, разваливающейся на куски горячей стране, они с боями и оружием организованно

отступили с Украины, захватив несколько эшелонов. Остановились под Пензой.

Созданный законным правительством Российской империи, присягнувший ей корпус сохранял верность присяге и союзникам. Поэтому в январе 1918 года руководство корпуса заявило, что считает его частью чехословацкой армии и подчиняется французскому командованию, так как Франция официально возглавляла войска Антанты. Уже в это время было ясно, что империя Габсбургов доживает последние месяцы: в январе началась всеобщая забастовка, к которой в одной только Праге приняло участие 150 тысяч человек. Демонстрации, начавшиеся 1 мая, продолжались до середины месяца. 29 октября 1918 года Чехословацкий национальный комитет, состоявший из представителей всех партий, объявил о низложении династии Габсбургов на территории Чехии и Словакии и о создании Республики Чехословакия. С этого момента корпус и начинает прорываться на родину.

Но Первая мировая война продолжается, немцы, подписавшие мир с Россией, требуют разоружить чехов. А у красных нет сил отобрать оружие у хорошо обученных, прошедших фронт вояк. Поскольку выходы к Черному морю на тот момент перекрыты немцами, руководство корпуса договорилось 26 марта 1918 года с Реввоенкомом Советской Республики, что они будут двигаться во Владивосток «как группа граждан, располагающая оружием, чтобы отражать вооруженные нападения контрреволюционеров». Чехословаки поехали в 63 эшелонах по Транссибу на восток.

В мае 1918 года движение почти остановилось – корпус растянулся по Транссибу от Пензы до Владивостока, но не потерял ни дисциплины, ни боевого духа. Более того, он оказался самым организованным и самым сплоченным военным отрядом на всей территории бывшей Российской империи. И контролировал единственную транспортную артерию соединявшую восток и запад страны.

Методы его, правда, вызывают оторопь – за убийство одного бойца корпуса расстреливалось 8-10 человек заложников из окрестного населения. Впрочем, последующие зверства Гражданской войны затмили эту жестокую меру.

А 14 мая на станции Челябинск началась сцена из «Бравого солдата Швейка» – драка между венграми, ехавшими из плена на запад, и чехами.

«...Водичка был не один. Плечом к плечу с ним дрались несколько солдат-чехов из различных полков, – солдаты как раз проходили мимо... Продолжалось это довольно долго, но всему прекрасному приходит конец. Прибыл патруль полицейских и забрал всех», – писал позже в своем романе один из бойцов Чехословацкого корпуса по фамилии Гашек.

В реальности одного венгра убили, четырех ранили. Прибывший «патруль полицейских» – боевой отряд Челябинского совета – арестовал зачинщиков драки, тогда прошедшие огонь и воду чехи напали на советские отряды, разружили их, захватили вокзал, арсенал и центр города, отбив своих пленных.

Троцкий в ответ послал телеграмму с такими словами: «...Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте». Обиженные чехословаки 26 мая захватывают Челябинск. 27 мая Рудольф Гайда, командующий чехами около Новониколаевска, приказывает всем чехам захватывать станции, возле которых они находятся. И между 26 мая и 8 июня Советская власть пала на громадном пространстве от Поволжья до Иркутска. Многие историки именно этим событием датируют начало Гражданской войны.

Так сначала сцепились представители братских народов, а потом уж двинул и брат на родного брата.

В чешской речи русское ухо не слышит угрозы – кажется, что они говорят почти что, как мы, лишь по-детски мило искажая слова. Вот в этом-то и таится ловушка – когда не понимаешь ни слова, то слушаешь интонацию, ловишь мимику; а если слово звучит как родное, но смысл имеет противоположный привычному, – попадаешь впросак.

Примеров множество: «вонявки» – духи, «урода» – красавица, внимание – «позор», свежие продукты – «черствыые потравины» и так далее.

Но, пожалуй, самый говорящий пример: родина по-чешски – «семья», а чешское слово «родина» означает «власть». Чехи – не великий по размеру народ, для него вся родина – большая семья. И не зря по-чешски «родина» означает «власть» – в патриотизме и семейном чувстве отчизны они черпают силу. Настолько мощную, что она дала им власть – саму крепкую в тот момент на пространствах России.

Так что с чехами, по большому счету, не смогли найти общего языка ни Колчак, ни Комуц, ни красные. Со всеми они гнут свою линию.

Сам адмирал Колчак вспоминал: «Я говорил с Дитерихсом, не могу ли я проехать на фронт в Уфу, но он мне сказал, что это задержит спешную эвакуацию чехов, – и мне пришлось отказаться».

И вот 5 июля 1918 года чехословаки взяли Уфу, 6 июля – Златоуст.

Уфа им была не нужна – всего лишь одна из станций на пути к Японскому морю. На ней – та же полуопереточная-полутрагедийная взвинченная атмосфера, как в других городах. «...Единственным местом, где не стреляли, был вокзал. Ими (чехословаками – С. Ч.) были забыты здания ожидания первого и второго класса. Третий класс предоставили в распоряжение беженцев. Здесь по-походному расположились жены министров, генералов, аферистов и спекулянтов. Дамы освоились: пока мужья осаждали железнодорожного коменданта, он ели крутые яйца, шепотом ругали чехов (за то, что все паровозы забирают) и бегали на перрон за кипятком», – вспоминает один из очевидцев¹.

Большинство лидеров чехословаков были социал-демократами, так что когда

в Самаре эсеры Комитета членов Учредительного собрания попросили помощи у братьев-славян, они ее получили. И с чешскими штыками в Уфу пришла Народная армия Комуча, точнее – ее лучшие части, легендарный двухтысячный офицерский полк Владимира Каппеля.

В июне – августе 1918 года Самарская, Симбирская, Казанская, Уфимская, частично Саратовская губернии уже считались территорией Учредительного собрания.

Комуч отменил декреты Советской власти, восстановил демократические свободы, разрешил частное предпринимательство, признал некоторые национальные правительства, в том числе – Башкирское.

Комитет – самое законное из всех правительств на просторах бывшей Российской империи. И, поскольку выборы в Учредительное собрание были по-настоящему всенародными, приход армии Комуча приветствуется большинством горожан.

ЧЕЛОВЕК И ПАРОХОД

Война разгорается не на шутку: в мае 1918 года вспыхивает вторая волна восстаний – крестьяне выступают против мобилизации в Красную Армию, создания военисполкомов, боевых дружин и ревтрибуналов, конфискации продовольствия, земли, денежной контрибуции и так далее. К середине июня восстание охватило большинство волостей Бирского уезда, Уфимскую и Ногушинскую волости Златоустовского уезда. Лозунги: «Не продавать хлеба по твердым ценам!», «Долой большевиков и власть Советов!». Воинские формирования объявили себя частью Народной армии.

После 8 июня стало известно о том, что чехословаки поддержали Комуч и заняли Самару, тогда уфимские большевики начали готовиться к эвакуации. В тот же день на заседании Губисполкома была создана специальная комиссия под руководством В. Архангельского. В соответствии с секретными циркулярными директивами из Москвы в случае при-

ближения к селу или городу белогвардейцев и чехов местные совдепы должны были увозить деньги, товары, продовольствие и оружие, а что нельзя вывезти, надлежало уничтожить. Тут же, согласно рекомендациям центра, было принято решение об аресте заложников, которые своей жизнью должны были обеспечить безопасность отступающих.

Первыми были взяты 67 не успевших разобраться в ситуации чехословаков, а для ареста уфимцев был создан небольшой отряд под предводительством Рудольфа Канемана.

Н. Зимина в своем рассказе о жизни Александра Ницы² приводит отрывок из статьи в журнале «Уфимский церковно-народный голос»: «С начала июня, когда большевики почувствовали свой конец, жители города пережили тяжелые, кошмарные дни. Всюду производились усиленные обыски и аресты. Каждую ночь облавами ходили по городу вооруженные красноармейцы и каждую ночь арестовывали множество общественных работников, принадлежащих к самым различным общественным, профессиональным и политическим партиям. Никто не был уверен в завтрашнем дне. Все находились под угрозой ареста».

Предполагалось взять до 200 человек, но обошлось 22-мя.

Пристани на Белой кипели. Советское государство в Уфе полностью переселилось на воду, разместившись на всех пароходах и баржах, лодках и лодочках, которые удалось отыскать.

На пароходе «Зюйд» курсировал по реке бравый боевой военный отряд Александра Чеверева; в нем на диво обывателям служили отважные девчонки-разведчицы. А на пароходе «Норд» расположились члены губревкома, партийные, советские работники и члены их семей. В том числе сам председатель Губернского комитета Нимвицкий и Уфимский губернский комиссар финансов Большаков. В трюме этого парохода Комиссар Уфимского отделения Народного банка Александр Иванович Кирьянов упаковал вверенные ему ценности.

Ему в помощь для укладки и охраны холщовых мешков с деньгами и не-

¹ Арестант пятой камеры. – М. : Политиздат, 1990. С. 70.

² Уфа страницы истории / сост. М.В. Агеева. – Уфа : Китап, 2006. С.274

большого ящика с золотыми слитками был назначен уфимский отряд беликов-красногвардейцев во главе с начальником Виктором Дьяконовым.

Пароход «Норд» отошел от пристани утром 5 июня.

О масштабе той эвакуации говорит следующий факт: баржа №4 с заложниками ушла лишь вечером 29 июня, в числе последних судов, взятая на буксир большим пассажирским пароходом «Урал». Она простояла в виду города у Сафроновской пристани два дня, пока утром 29 числа в ГубЧК не пришло секретное уведомление от комиссара по эвакуации Архангельского: «сообщаю, что сегодня вечером будет закончена отправка всех судов, также будут убраны и пристани».

То есть суда на Белой непрерывно грузились и отплывали больше двадцати дней. За это время разобрали и погрузили на баржи 20 паровозов, 20 тысяч пудов цветных металлов, массу другого ценного имущества и продуктов.

Невиданных размеров плавучий караван шел мимо притихших селений.

В Дюртюлях отряд Чеверева, спустившись со своего парохода «Зюйд», провел «конфискацию имущества зажиточных граждан и раздачу беднейшим мануфактуры, обуви, одежды, продуктов».

А в старинном богатом городе Бирске начался переполох, сравнимый с уфимским. Сразу после национализации банков Управляющим Уфимским филиальным отделением в Бирске был назначен исполкомом Уфимского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов бывший бухгалтер Бирского отделения Сибирского торгового банка Леонид Брониславович Крассовский. На новом посту Леонид Брониславович развернул активную деятельность, как он сам писал: «работая помимо Банка в местном Совдепе в качестве члена финансовой коллегии и исполняя его ответственные поручения, к числу которых отношу командировку меня на Уфимский Губернский съезд комиссаров по финансам и на бывший в Москве Всероссийский финансовый съезд». Не удивительно, что, когда Советская власть пошатнулась, ему пришлось срочно эвакуироваться из Бирска.

В Бирске отделение Народного банка создавалось из преобразованного от-

деления Сибирского торгового банка, в котором предполагалось сосредоточить также счета национализированных Волжско-Камского коммерческого и Русского для внешней торговли банков. Выполнить эту задачу Леонид Брониславович не успел. 1 июля Крассовский передал все дела назначенному по его указанию Бирским СНК исполняющим должность управляющего Бирским отделением Народного банка Николаю Эразмовичу Кудряшеву с оставшимся бухгалтером Миркисом и кассиром Шестаковым и уже 4 июля с Бирским Совдепом выехал из Бирска в Николо-Березовку.

Правда, в донесении в Центральное управление Народного банка Крассовский написал о своем протееже: «Считаю необходимым сейчас же отметить, что мой заместитель в Бирске, Э. Кудряшев, до призыва на войну с Германией состоял управляющим Бирского отделения Сибирского торгового банка и следовательно с чисто деловой стороны является вполне подходящим кандидатом на предоставленную ему (...) временно должность Управляющего Бирским отделением Народного Банка. С политической стороны, – подстраховывается Леонид Брониславович, – рассматривая с точки зрения господствующей партии коммунистов, я не смею Кудряшева рекомендовать уже по одному тому, что он является бывшим офицером, от доверия к которым вообще в силу последних событий приходится по меньшей мере воздержаться».

Уже одно сочетание слов «господствующей» и «партии коммунистов» могло бы в другое время цапнуть чуткое ухо, но тогда было не до филологических тонкостей.

«При всем этом, – разливается хитроумный Крассовский, – я полагаю, что для пользы дела замещение меня Кудряшевым на время занятия Бирска чехо-словаками и разгула белогвардейцев является и при последнем положении единственно правильным выходом из создавшихся условий, ибо оставшись в Бирске, я безусловно белогвардейцами был бы арестован, а отделение Банка возможно было бы разграблено, каковому разграблению, по слухам, еще не подверженным, уже подверглась оставленная

временно за мной моя личная квартира при Банке».

Своему сослуживцу Николаю Эразмовичу решительный Леонид Брониславович оставил обстановку и архив отделения и незначительную кассовую наличность, «которой едва хватит на содержание штата служащих на ближайшие 3–4 месяца, а возможно и меньше». «Я полагаю, – заключает Крассовский, – что это он сумеет сохранить и в том случае, если примкнет к белогвардейскому течению».

А все капиталы и ценности Бирского отделения бывшего Сибирского торгового, ныне Народного банка при сдаче отделения Кудряшеву были переданы в казначейство, а после вместе с ценностями казначейства перевезены Крассовским в Николо-Березовку.

Это село с давних пор стоит на привольном берегу Камы среди богатых лесов. Здесь была одна из охотничьих резиденций царей Романовых, так что Николо-Березовка не бедствовала – добротные кирпичные дома, многие в два этажа, красивая каменная церковь... Так получилось, что летом 1918 года сюда стеклась Советская власть со всей округи. Тут же формировалась 2-я армия Восточного фронта. Отряд Дьяконова, сняв с себя полномочия по охране банковских ценностей, вошел в ее третий сводный коммунистический батальон.

24 июля 1918 года по постановлению Уфимского Губисполкома, на всякий случай продолжавшего жить на корабле «Норд», в селе Николо-Березовка открылось Временное Уфимское Полевое Отделение Народного Банка. Оно разместилось в хорошем каменном доме с приспособленной для хранения ценностей кладовой. Для охраны отделения и кладовой Бирский военный комиссариат выставил военные наряды.

В качестве управляющего был мобилизован Леонид Брониславович Крассовский. А комиссар Уфимского отделения Александр Иванович Кирьянов назначался на должность кассира. Одновременно на него были возложены все обязанности остальных административных лиц Банка. Единственным помощником комиссара был прикомандированный еще в Уфе счетчик Федосеев.

В августе Уфимский Губисполком назначил кассиром отделения вместо Александра Ивановича Тимофея Даниловича Шамина, а Кирьянов стал контролером полевого отделения.

Крассовский еще просил Уфимский Губисполком «откомандировать проживающую здесь (в Николо-Березовке – С.Ч.) служащую Уфимского отделения Народного банка тов. Седенкову для занятий во вверенное мне полевое отделение Банка». Но тов. Седенкова, видимо, была нужна в другом месте, и Крассовский с Шаминовым продолжали служить в полевом отделении вдвоем. Так как Кирьянов с Федосеевым почти не сходили с парохода, охраняя «свою» часть ценностей – то, что эвакуировали из Уфы, так же, как и капиталы Народного банка, было оприходовано по книгам полевого отделения, но в целях безопасности оставлено на пароходе «под ответственностью контролера полевого и комиссара Уфимского отделения Народного банка товарища Кирьянова». А непосредственно в кладовую в Николо-Березовке сложили ценности, привезенные из Бирска.

«Норд», полный вооруженной охраны, стоял на пристани, готовый в случае необходимости принять в трюмы все капиталы полевого отделения и сразу отплыть.

Ладить с Кирьяновым, похоже, было непросто. Можно предположить, что он сидел на пароходе, как цепной пес, угрожающе поднимая оружие на каждого подходящего к трюму. На предложение в начале августа комиссара по финансам Большакова положить на счет полевого отделения также и золото, вывезенное из Уфы, он отреагировал бурно, успокоившись лишь тогда, когда ему объяснили, что слитки будут оприходованы только по книгам, и предполагается, как указали в тут же выданном ему документе: «Принятое золото, в целях безопасности, хранить и впредь на пароходе «Норд» под ответственностью за целостность и сохранность Контролера Вашего отделения тов. А.И. Кирьянова».

А когда он в сентябре по ошибке вместе с ценностями сдал на хранение в Пермскую самостоятельную сберегательную кассу холщовый мешок с ветхими денежными знаками на 20 357 рублей,

предназначенный к сдаче в Пермское отделение Народного банка. Крассовскому и Большакову пришлось писать в кассу объяснительные письма с просьбой исправить положение.

...Жаркий августовский день. Измученные солнцем, неразберихой и ответственностью четыре человека печатают акт о передаче денег и ценностей, находящихся в кассе и кладовой Уфимского временного полевого отделения Народного банка от управляющего Крассовского кассиру Шаминову – все должно быть сделано надлежащим порядком, независимо от войн и прочих стихий. После тщательного подсчета и сверки с записями в книгах полевого отделения, все упаковано обратно. Вне баланса кассиру Шаминову также передали чековые и расчетные книжки, висячий замок и ключ от денежного ящика с разменным капиталом, два ключа от нестораемого шкафа, висячий замок и ключ к кладовой Полевого отделения банка. «По окончании передачи, – как аккуратно записывает Крассовский, – денежный ящик, нестораемый шкаф и кладовая закрыты кассиром принятыми замками и ключами и опечатанными сургучной печатью полевого отделения».

Было объявлено, что Полевое отделение, «не имея ни технических средств, ни достаточного штата служащих» производит только следующие операции: вклады на текущий счет простой и условный, хранение ценностей, прием и выдача денежных переводов на имя правительственных учреждений и частных лиц. «Причем за неимением шифров и бланков переводных билетов, переводы и всякие другие платежные поручения временным полевым отделением будут выдаваться исключительно в форме платежных писем и на имя частных лиц на суммы не свыше 1000 рублей в день».

Все операции полемому банку надлежало производить до особого распоряжения Губернского Ревкома, также указывалось, что он «эвакуацию ценностей и денежных знаков производит в указанное Ревкомом Советское учреждение и тоже по особому распоряжению Ревкома».

Всем Совдепам Уфимской губернии вменено в обязанность «все свои средства сосредотачивать исключительно в

Полевом Отделении Народного Банка, открыв для сего текущий счет».

После открытия счета все расчеты суммою свыше тысячи рублей предписывалось производить только чеками, платежи по которым банком должны перечисляться на счет получателей. Для суточных мелких расходов все владельцы текущих счетов могли получать необходимые суммы по чекам безо «всяких ограничений и препятствий».

Хранить советские деньги в каких-либо иных государственных и общественных кредитных и сберегательных учреждениях, впредь до особого распоряжения, было строго воспрещено. В волостных кассах допускалось иметь необходимые для мелких расчетов суммы в пределах не более месячного расходного бюджета.

Через кровеносный клапан аварийно созданного полевого отделения активно шли средства на поддержание Гражданской войны. 7 августа 1918 года Уфимскому Полевому отделению банка с парохода поступила следующая директива: «Вследствие ходатайства Бирского Уездного Совнаркома, предлагаем Вам перечислить у себя со счета Бирского уездного казначейства на текущий счет №2 Бирского военного комиссариата, в счет отпущенных ему военных кредитов, два миллиона рублей и об исполнении нас уведомить».

Все расходы на содержание отделения, соответственно, оплачивал Уфимский губернский исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов.

К 1 сентября расходы выразились в покупке книг и канцелярских принадлежностей, а также выплате жалования управляющему из оклада 630 рублей в месяц, кассиру – 540. Кроме того, обоим полагались суточные: при передвижении по своей губернии – 10 рублей на человека, в других губерниях – по 15.

Контролер отделения Кирьянов как комиссар Уфимского отделения Народного банка и счетчик Федосеев получали свое содержание до назначения в Военно-полевое казначейство от Уфимского Губисполкома за счет постоянного Уфимского отделения Народного банка.

Профессиональный банковский служащий Леонид Крассовский постоянно отправляет в адрес Центрального управления Народного банка обстоятельные рапорты и доклады. «Уфимское временное полевое отделение Народного банка, – пишет он, – открытое Уфимским Губисполкомом революционным путем, с донесением о сем центральной власти, вполне оправдало свое назначение: все время находясь в центре работавших и ликвидирующих свои дела советских учреждений Уфимской губернии, особенно продовольственных организаций, своевременно обирало скопляющиеся у Комиссаров и др. должностных лиц денежные суммы и при помощи текущих счетов вело за них расчеты с третьими лицами. Цифры оборота текущих счетов за время с 24 июля по 1 сентября с/г.: приход – 31.332.961.37 руб., расход – 17.223.472.64 и общий оборот по счету ценностей на хранение 14.824.969.61 руб. красноречиво подтверждает эти выводы».

«Единственным недостатком в организации полевого отделения Банка, – отмечает Леонид Брониславович, – мы можем отметить те тяжелые условия, в которых приходилось вести работу – это постоянные передвижение, вызываемые наступлениями чехо-словаков и белогвардейцев, в результате чего отделение пришлось вместе с окружающими его гражданскими и частью военными правительственными учреждениями Уфимской губернии покинуть пределы своей губернии...».

В сентябре 1918 года Кирьянов и Федосев после сдачи ими ценностей в Пермскую самостоятельную сберегательную кассу были откомандированы во вновь образованное Военно-полевое казначейство при штабе Командующего 2-й армией: первый – казначеем, второй – счетчиком.

А Крассовский с Шаминовым в это время, отступая вместе со всеми товарищами, приплыли на пароходе из Николо-Березовки в Вятку.

Там они разместили Уфимское полевое отделение Народного банка в здании бывшего Волжско-Камского коммерческого банка, а потом – в сентябре же – сдали все ценности в Вятское отделение Народного банка.

«Вятскому отделению Народного банка нами переданы эвакуированные капиталы Бирского уездного казначейства, – неумоимо рапортует Крассовский, – в сумме 2.957.290 рублей 58 копеек; ценности этого же казначейства на 7.252.338 рублей и принадлежащий постоянному Уфимскому отделению Народного банка ящик с золотом в слитках, за его печатью, с объявленной ценностью в 117.625 руб.».

Свой доклад Крассовский заканчивает характерным абзацем: «Попутно, порядка ради, полевое отделение считает необходимым отметить, что никакой корреспонденции и ответа на свой предыдущий доклад от 3 августа с.г. оно от Центрального Управления не получало...».